

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

РОССИЯ В АРХИТЕКТУРЕ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ

Ответственный редактор
А. В. Смирнов

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЗНАК
МОСКВА 2015

УДК 1/14
ББК 87
Р 76

Утверждено к печати решением
Ученого совета Института философии РАН

Монография подготовлена сотрудниками Института философии РАН в рамках проекта
«Стратегия цивилизационной безопасности России: философско-политологический анализ»
при поддержке Минобрнауки России в рамках ФПЦ
«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»
(ГК № 14.740.11.0773)

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН *А. В. Смирнов*

Рецензенты:
д. филос. н. *В. Г. Федотова*,
к. филос. н. *Ф. Н. Блюхер*

Р 76 Россия в архитектуре глобального мира: цивилизационное измерение / Отв. ред. А. В. Смирнов. — М. : Языки славянской культуры : Знак, 2015. — 520 с.

ISBN 985-5-9551-0737-8

Стержневая проблематика книги — вопрос о жизнеспособном цивилизационном пространстве и принципах его построения с учетом культурного многообразия и культурной динамики в современном мире. Он исследован прежде всего применительно к России в аспекте ее исторического опыта. Особое внимание уделено незападным культурам (исламский мир, Индия, Китай), поставлена проблема типологии рациональности и ее соотношения с особенностями цивилизационного развития.

ББК 87

ISBN 985-5-9551-0737-8

© Институт философии РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

РОССИЯ В АРХИТЕКТУРЕ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Художественное оформление переплета С. Жигалкина
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Корректор Н. Полякова

Подписано в печать 30.09.2014. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1,
печать офсетная, гарнитура Times. Усл. печ. л. 32,5. Тираж 600. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры». № госрегистрации 1037739118449.
Издательство «Знак». № госрегистрации 1027701010435.
Phone: +7 (495) 959-52-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Г нозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Многообразие культур и плюральность разума (вместо введения)	5
---	---

Раздел I

Россия: история, культура, цивилизация

Россия и мир: роль экзогенных факторов в русской истории (<i>Д. Э. Летняков, А. Ф. Яковлева</i>)	11
Исследование концепта «земля» в русском самосознании (<i>В. В. Мильков</i>)	40
«Ареопагитский корпус» как модель успешного преодоления религиозных и цивилизационных различий через их синтез (на примере учения о символе) (<i>В. В. Петров</i>)	67
Проблема «саморазрушения цивилизации» в работах мыслителей русского серебряного века (<i>А. А. Кара-Мурза</i>)	113

Раздел II

Культура и рациональность: опыт незападных культур

Сознание как смыслополагание. Культура и мышление (<i>А. В. Смирнов</i>)	167
Механизм осмысления истины как культуuroобразующий принцип (<i>Ю. Е. Федорова</i>)	238
Религиозно-философская мысль средневекового Ирана: взгляд из современной России (<i>А. А. Лукашев</i>)	261
К вопросу о толерантности в исламе (<i>И. Р. Насыров</i>)	294
Роль концепта «дхарма» в формировании ядра индийской культуры (<i>Н. А. Канаева</i>)	314
Особенности древнекитайской философской культуры (<i>С. Ю. Рыков</i>)	343

Раздел III**Цивилизация и культура в современном мире**

Цивилизация и традиция (<i>М. М. Федорова</i>)	379
Мораль, справедливость и культурное разнообразие (<i>А. В. Прокофьев</i>)	402
Кризис современной цивилизации и его выражение в жизненном мире (<i>Н. В. Мотрошилова</i>)	471

МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУР И ПЛЮРАЛЬНОСТЬ РАЗУМА (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Многообразие культур — это факт, данный сегодня нам, жителям больших и малых городов, равно как и отдаленных поселков, в нашей повседневной практике; и даже если представить себе отсутствие постоянного живого общения с представителями других культур (что в нашу эпоху великой миграции народов может быть верно лишь для небольшой части населения), вездесущие СМИ живо компенсируют этот недостаток. Но что означает этот несомненный факт: что означает он для каждого из нас на нашем, «человеческом» уровне — уровне выстраивания своей жизненной позиции, своего отношения к представителям других культур, которые оказываются живущими бок о бок с нами (чего зачастую не было прежде, во всяком случае в таких масштабах), или бок о бок с которыми оказываемся живущими мы, если судьба забрасывает нас далеко от дома? Безусловно, одно из важных измерений глобализации и современного стиля жизни — небывалая прежде подвижность и, так сказать, «физическое» перемешивание носителей разных культур. Что следует из этого для факта нашей культурной определенности? Ведь любой человек — носитель не только определенного языка, но и определенной культуры, и именно в эпоху великого перемешивания народов, когда так легко сталкиваются прежде порой не соприкасавшиеся культуры, их многообразные различия заявляют о себе особенно ярко. Как относиться нам к этой нашей культурной «заданности», к тому багажу культуры, к тому опыту, который мы, хотим или не хотим, неизбежно несем? Должны ли мы эту культурную определенность лелеять и сохранять? Даже разыскивать и конструировать? Или, напротив, от нее следует если не избавиться, то по возможности абстрагироваться как от чего-то второстепенного? От чего-то, что может не только помогать, но и мешать, выступать препятствием в том великом перемешивании народов, свидетелями и участниками которого мы все являемся? (Да и можно ли от нее, от этой культурной определенности,

отстраниться — или же само это отстранение уже будет продиктовано логикой культуры и, следовательно, само оно и будет задавать некую культурную определенность?) Должен ли я, иными словами, стремиться оставаться человеком своей культуры, или, напротив, мне стоит захотеть стать «гражданином мира»? И что значит, собственно говоря, быть «гражданином мира» перед лицом несомненного факта культурного многообразия? Можно ли расценивать факт культурной принадлежности как иррелевантный; могут ли быть указаны условия, при которых от него можно отвлечься, не принимать во внимание?

Вопрос, поставленный относительно отдельного человека, может быть поставлен и в отношении целой культуры, целой цивилизации. Чем является невидимая, но от того не теряющая своей императивности «культурная граница» — чем-то, что сдерживает рывок вперед и потому должно быть прорвано? Или же чем-то, что задает определенность, не дает расплыться в аморфности и утратить жизненную силу? Можно ли говорить о «культурной составляющей» цивилизационной безопасности — о том духовном стержне, который «держит» зримое, «материальное» тело цивилизации (при всем различии понимания категорий «культура» и «цивилизация» все же преобладает тенденция понимать цивилизацию как «реализацию» культуры, как результат духовного и материального производства)? Есть ли у этого негуманитарного слова «безопасность» гуманитарное измерение? И не зависит ли сохранность цивилизации в первую очередь от сохранности того, что задает это гуманитарное измерение?

Великий представитель великой арабо-мусульманской культуры Мухйи ад-Дин Ибн Араби, 850-летие со дня рождения которого будут отмечать в разных уголках мира в 2015 г., дал теоретическое обоснование абсолютной веротерпимости, которое по своей силе и масштабу остается — да и, наверное, останется — непревзойденным. Его кредо можно сформулировать так: лишь то вероисповедание истинно, которое принимает истинность любого другого вероисповедания в качестве условия собственной истинности. К примеру, ты можешь быть убежденным мусульманином. Но твоя вера может претендовать на истинность только в том случае, если ты не только не отрицаешь, но утверждаешь истинность любого другого вероисповедания, будь то христианство, буддизм или идолопоклонничество. Здесь признание истинности любого другого вероисповедания не просто допускается (в качестве некой уступки, добровольной или вынужденной), но включается как органическая часть в условие истинности собственного вероисповедания: усомниться в истинности хотя бы какого-то из дру-

гих вероисповеданий значит неизбежно разрушить истинность своего собственного.

Это кредо — вовсе не декларация, оно стоит на солидном философском основании понимания устройства миропорядка; иначе говоря, оно — лишь неизбежное логическое (а значит, императивное) следствие фундаментальной философии. Не тревожа ее глубин, укажем на главное. С точки зрения философии суфизма (а Ибн Араби — величайший ее представитель), невозможно на самом деле поклоняться чему-то или кому-то, кроме единого Бога — просто потому, что так устроен мир (это не зависит, иначе говоря, от нашего желания), потому, что за «внешним» (*захир*) любого предмета поклонения стоит его «внутреннее» (*батин*) — единый Бог. Понимание этой истины, этого «на самом деле», и составляет то усилие, которое делает твое вероисповедание истинным, включая тем самым в него в качестве условия его истинности признание истинности любого другого исповедания. Это, если угодно, не теория *единства* религий, а теория *все-истинности* религий; теория, которая не сводит исповедания к некой единственной (единственно подлинной, «доподлинной») истине, а обосновывает истинность любого из них как органичное следствие истинности всех. Теория плюральной истины.

Формула Ибн Араби, на мой взгляд, замечательно проецируется на вопрос о том, каким может быть отношение к несомненному факту культурного многообразия. Попробуем перетолковать эту формулу так: лишь та культура истинна, логика которой требует признания истинности любой другой культуры в качестве условия собственной истинности. Не «допускает», а именно требует. Это — формула логической все-истинности культур; не формула сведения их к некой единой, найденной и зафиксированной, «общечеловеческой» истине, а формула, утверждающая собственную, нередуцируемую логическую истинность любой из культур. Но что может обосновывать логическую истинность культур; что может играть роль философского фундамента кредо абсолютной веротерпимости Ибн Араби?

Понятие «культура» имеет много измерений, которые едва ли можно перечислить: от культуры повседневного общения до культуры как фиксации общностей гигантских исторических и географических масштабов («христианская культура» или «культура древних инков»). Едва ли кому-то удастся свести эти определения воедино; и все же нельзя не видеть, что чуть ли не все они сходятся вот в какой точке: культура — это комплекс факторов, определяющих (но не пред-определяющих! никакого культурного детерминизма) поведение человека. Смысло-

полагание — это разворачивание смыслового тела культуры, и мы принадлежим к культуре не просто через религию, кухню, костюмы или танцы (хотя все это важно) и даже не только через фольклор и бабушкины сказки (хотя это еще важнее); мы принадлежим к ней прежде всего благодаря тому, что наше мышление обладает каким-то своим, особым складом; именно складом, не содержанием. Содержание может меняться, почти полностью и почти бесконечно, но оно должно как-то укладываться, должно иметь какой-то склад — иначе это будет просто куча бессмысленных сведений, осколки разбитой статуи, ничем не отличающиеся от самой статуи, кроме утерянного склада.

Этот склад мышления, эта логика культуры — имеется она или нет? И если имеется, то где, на каком уровне может быть обнаружена? Как соотносится логика культуры и логика мышления — логика, взятая в своем общефилософском значении? Может ли, должно ли многообразие культур быть понято как плюральность самого разума? Есть ли что-то в устройстве нашего мышления, нашего сознания, что коррелирует с несомненным фактом многообразия культур?

Не будет, как мне кажется, преувеличением сказать, что этими вопросами определен фокус внимания авторов данной книги. Читатель не обнаружит здесь единообразия; скорее он найдет тут многообразие подходов. Но все они выстраиваются вокруг главной проблемы, все они нацелены на то, чтобы разведать территорию и набросать ее топологию: можно ли в разворачивании культуры увидеть разворачивание разума и может ли многообразие культур иметь своим оправданием многообразие разума? Сейчас много говорят о формировании некой новой, «глобальной» культуры, отражающей новые реальности глобализирующегося человечества. Какой будет архитектура этой новой культуры? На каких принципах она будет построена? Сможет ли она стать архитектурой логической все-истинности культур или будет редуцирована до монологичности? Мы не уйдем от ответов на эти вопросы; а ведь именно они определяют устройство жизненного пространства будущих поколений.

Эта книга — не более чем шаг в намеченном направлении. Хотелось бы надеяться, что за ним последуют другие.

А. В. Смирнов

РАЗДЕЛ I

**РОССИЯ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА,
ЦИВИЛИЗАЦИЯ**

РОССИЯ И МИР: РОЛЬ ЭКЗОГЕННЫХ ФАКТОРОВ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

(Д. Э. Летняков, А. Ф. Яковлева)

Известный русский мыслитель Иван Солоневич, размышляя об особенностях исторического пути России, когда-то писал:

Россия — не Европа, но и не Азия и даже не Евразия. Это — просто — Россия. Совершенно своеобразный национальный государственный и культурный комплекс, одинаково четко отличающийся и от Европы, и от Азии. Основные черты этого комплекса достаточно отчетливо определились раньше, чем европейское влияние или азиатские нашествия могли наложить на Россию свой отпечаток¹.

Надо сказать, что в России такой изоляционистский взгляд на собственную историю весьма популярен, его разделяет значительная часть российских интеллектуалов, вне зависимости от своих идейных убеждений. Как верно заметил Б. Ю. Кагарлицкий, «“западники” и “славянофилы” абсолютно едины в понимании русской истории как изолированной и “особенной”»², разница лишь в том, что первым исключительность России видится какой-то уродливой патологией, а вторым — величайшим достоинством, позволяющим говорить о России как о совершенно уникальной стране (иногда даже — отдельной «цивилизации»), специфику которой фатальным образом предопределила «загадочная русская душа», православная вера или что-то еще.

Главная проблема обозначенного подхода состоит в том, что Россия здесь предстает некой «вещью в себе», которую нужно понимать только из нее самой, исходя из духовных, социально-политических и экономических процессов, происходивших *внутри нее* на протяжении

---

¹ Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 27.

² Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм: Эксмо, 2009. С. 8.

веков. Любое же внешнее влияние, за исключением геополитического и военного фактора, кажется незначительным или вообще игнорируется. И это большое упущение, ведь контакты с внешним миром (и не только военные!) всегда оказывали огромное воздействие на характер и динамику русского общества. Убедительным примером в пользу этого факта может считаться прекрасное исследование уже упоминавшегося Бориса Кагарлицкого, в рамках которого автор анализирует историческое развитие нашей страны сквозь призму ее положения в мировой экономической системе³. Поэтому, сосредотачиваясь только на самих себе, мы неизбежно упускаем из виду целый пласт фактов и явлений, которые могут помочь нам в понимании прошлого и настоящего России. Не отсюда ли, кстати, и эффективные, но совершенно тупиковые для научного исследования сентенции в духе того, что «умом Россию не понять»?

К сожалению, работы, подобные книге Б. Кагарлицкого, появляются у нас пока не так часто. И мы надеемся, что предлагаемая статья внесет свою скромную лепту в изменение данной тенденции. Этот небольшой очерк по понятным причинам не может претендовать на роль масштабного исторического исследования, скорее это просто попытка взглянуть на русскую историю с несколько иной перспективы, высветить различные внешние влияния на российское общество, заострить внимание на фактах тесного взаимодействия России с иными государствами, народами и культурами, которые имели место в разные исторические эпохи.

Сразу оговоримся, что было бы странно отрицать наличие у российского общества эндогенных импульсов к развитию и важность тех процессов, которые в разное время происходили внутри самой России. Безусловно, мы не смотрим на Россию глазами П. Я. Чаадаева, писавшего когда-то о ней как о стране, не имевшей ни одной своей идеи и искажившей все чужие, а о русской культуре, как «всецело заимствованной и подражательной»⁴. Также нашей главной целью не была полемика с самобытниками и идеологами «особого русского пути». Мы считаем, что история любого народа уникальна, поэтому исторический путь китайцев, французов, бразильцев или россиян всегда будет «особым» по сравнению с другими. Но это не значит, что нужно отгораживаться от остального мира «железным занавесом» и замыкаться в себе, упиваясь своей исключительностью и непохожестью на остальных, и уж

---

³ *Кагарлицкий Б. Ю.* Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм: Эксмо, 2009.

⁴ *Чаадаев П. Я.* Философические письма. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. С. 93.

тем более не стоит представлять дело так, будто Россия существовала в подобной изоляции на протяжении всей своей истории. Эти соображения и подвигли нас к работе над статьей.

- 1 -

Тот факт, что через Древнюю Русь проходили важные торговые пути, общеизвестен. Но почему-то в российской историографии эта тема, по большому счету, остается на периферии: да, плавали иноземные купцы по Волге и Днепру, торговали со славянскими племенами, покупали у них мед, меха, рабов... Данный сюжет выглядит второстепенным, теряясь где-то между призванием варягов, крещением князя Владимира и войнами с печенегами и половцами. Мало кто из историков обращал внимание на то, какое влияние оказала транзитная торговля на развитие домонгольской Руси. Между тем, оно было колоссальным.

Восточнославянские земли уже с VIII в., благодаря наличию удобных водных маршрутов, становятся ключевым звеном международной торговли. Как указывал исследователь Е. Н. Носов,

вся территория Русской равнины изрезана разветвленными речными системами, относящимися к бассейнам Балтийского, Черного и Каспийского морей⁵.

Эти нити речных коммуникаций соединялись в транзитные торговые пути, наиболее известными из которых был Балтийско-Волжский путь (шел из Скандинавии через Волгу в Каспийское море) и путь «из варяг в греки» (начинался из Балтийского моря, затем шел по Днепру в Черное море). В результате, Русь экономически соединяла между собой, во-первых, Запад и Восток: Европу с Византией, Хазарией, Волжской Булгарией, Средней Азией и странами Ближнего Востока; а, во-вторых, две европейские торговые зоны: средиземноморскую с центром в Италии и североευропейскую, включавшую в себя Англию, Скандинавию и Северную Германию.

Объем товаров, проходящих через русские земли, постоянно увеличивался. Этому способствовало оживление византийской и европейских экономик с начала IX в., а также возникновение возле русских границ новых государств (Дании, Норвегии, Швеции, Польши). Существуют многочисленные упоминания о масштабной торговле через «земли

---

⁵ *Носов Е. Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.: Русское слово, 1999. С. 159.

русов» в зарубежных средневековых источниках, в том числе, арабо-персидских. Восточные авторы повествуют, как славянские купцы проникают из своих «отдаленных земель» до Черного моря и затем «на верблюдах к Багдаду»⁶. Благодаря развитию транзитной торговли и притоку арабского серебра экономика Руси в домонгольскую эпоху была гораздо более рыночной, чем в большинстве европейских стран — здесь было достаточно развито денежное обращение и ремесленное производство, в каждом крупном городе имелись рынки (в Киеве в период расцвета их было восемь)⁷.

Заметим в скобках, что Киевская Русь играла важную роль в процессе не только экономической, но и духовной коммуникации между Западом и Востоком — по сообщениям средневековых скандинавских источников через нее проходил один из основных паломнических маршрутов из Европы в Святую Землю. Об этом факте упоминает, в частности, шведская хроника XIII в. «Сага о гутах», сообщая о пути из Скандинавии «через Русаланд [землю Русов] и Грекланд [греческие земли] до Иерусалима»⁸.

Интенсивная международная торговля стала главным фактором появления городов у восточных славян, что отмечал еще В. О. Ключевский⁹, не случайно большинство древнейших русских городов располагалось на пути «из варяг в греки». И хотя некоторые города возникали изначально как военно-административные центры племенных союзов, не вызывает сомнения, что *торговая деятельность оказала значительное влияние на социальный и культурный облик городов* — они превращаются в крупные центры ремесла и торговли.

Количество городов постоянно растет — к середине XIII в. на Руси было около 300 городов¹⁰, в которых проживало по разным оценкам до 15 % населения. По тем временам это был довольно высокий уровень

---

⁶ См. Джаксон Т. Н. и др. «Русская река»: речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 102—134.

⁷ Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм: Эксмо, 2009. С. 73.

⁸ Цит. по: См. Джаксон Т. Н. и др. «Русская река»: речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 275.

⁹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2011. С. 82.

¹⁰ См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956; Седов В. В. География ранних городов Древней Руси // Природа и человек. М.: Наука, 1988.

урбанизации. Для сравнения в том же XIII столетии в Англии горожане составляли около 10 % населения страны, в Скандинавии — не более 5 %¹¹. Поэтому не случайно, что варяги называют Русь «страной городов» (Гардарики). На большое число городов обращают внимание и восточные путешественники — об этом пишет, в частности, арабский писатель Ибн-Даста, посещавший русские земли в 30-е гг. X в.¹²

Значительное количество городского населения и, по преимуществу, торгово-ремесленный характер городов имели непосредственные социально-политические последствия для древнерусских земель. Указанные факторы способствовали образованию большой массы свободного населения, достаточно самостоятельного и культурного по меркам того времени (археологические находки — берестяные грамоты и надписи на предметах ремесла — говорят о распространении грамотности в домонгольской Руси не только среди духовенства и княжеско-боярской верхушки, но и среди обычных горожан). В результате, *в крупных городах складываются сильные городские общины, осознающие свои права и интересы и готовые консолидироваться для их защиты перед лицом князя и (или) аристократической верхушки.*

Институтом, позволявшим горожанам реализовывать свое право на политическое участие, было вече — собрание всех полноправных жителей города. На вече обсуждались различные вопросы городского управления, вплоть до изгнания князя и приглашения нового правителя. Характерно, что проявление политической активности горожан можно было наблюдать раньше всего в Киеве и Новгороде — двух крупнейших торговых центрах Древней Руси. В Киеве зафиксирован первый известный на Руси случай изгнания князя с престола (1068 г.), а новгородцы, в свою очередь, стали первыми, кто получил автономию от «матери городов русских» — сначала, в конце XI в., они добились введения института посадника¹³ в противовес княжеской власти, а в 1136 г. завоевали право приглашать князей в город по своему выбору.

Интересно, что вечевое самоуправление в домонгольской Руси не имело принципиальных отличий от политического устройства европейских коммун, ибо базировалось на сходных основаниях —

---

¹¹ Сванидзе А. А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. М.: Наука, 1999. С. 24.

¹² См. Иванов С. К. Размышления о России и русских. М.: Прогресс: Культура, 1994. С. 32.

¹³ Посадник был высшим должностным лицом городского управления, выбиравшимся из представителей местной боярской элиты.